

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Серийное оформление *Владимира Безкровного*

Иллюстрация на обложке *Евы Елфимовой*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е60 *Ладья Света / Дмитрий Емец.* — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с. — (Мефодий Буслаев. Легендарное детское фэнтези).

ISBN 978-5-04-089948-7

Раз в десять лет между стражами Света и стражами Тьмы проходят Запретные бои. Место проведения и имена участников неизвестны до последнего. И Мрак и Свет теряют в этих поединках своих лучших бойцов, поэтому всякого, о ком станет известно, что он принимает участие в Запретных боях, ждет неминуемая кара. Но Мефу не важно, какое наказание последует за такой проступок. Ведь он обещал своему учителю, что сразится с темным стражем Джафом и отобьет у того эйдос жены Арея. Эйдос, который уже очень много лет томится в ожидании спасения, в ожидании Ладьи Света...

**УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Емец Д., 2019

© Оформление.

ISBN 978-5-04-089948-7

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Nabent sua fata libelli (лат.) — книги имеют свою судьбу.

Теренций Мавр

Так-то я лишний раз убедился, что от автора зачастую зависит только решение, писать книгу или не писать ее; раз решение принято — она пишется сама и принимает ту форму, которую должна принять по внутренней необходимости.

Ф. Ф. Зелинский

Чтобы проза могла быть признана хорошей, в ней должна биться какая-то великая целостная мысль, охватывающая сразу все и существующая не столько в структуре книги, сколько в структуре вечности. Если этой мысли нет, то и стилистика, и сюжет, и диалоги, сколь бы удачны они ни были, — это просто красочки в коробочке.

Йозеф Эметс

Глава 1

МЛАДЕНЕЦ УЛИТЫ

В красном доме на красной улице жил человек, у которого все было красное: красная шапочка, красная рубашка, красные носки. Он полюбил девушку, у которой все было синее. Синие волосы, синее платье, синий бант. Только нос у нее был красный. За это он ее и полюбил.

Сказка Багрова

Последняя неделя сентября выдалась неестественно теплой. Мать-природа явно что-то перепутала — отдала отделу доставки неправильное расписание и завезла в Москву южную осень.

Спустив с подножки мотоцикла левую ногу и поигрывая ручкой газа, Эссиорх стоял в очереди на поворот. Он пропускал ползущие мимо машины и, провоя их взглядом, вполголоса комментировал:

Дмитрий Емец

— Василич... Зина... Мустафа... Петя... Коля... Нет, не Коля. Все-таки Соня! И ездит как типичная соня!

Имена были не случайны и обозначали не только пол, но и манеру езды. «Василич» в классификации Эссиорха был спокойный, грамотно действующий на дороге водитель с большим опытом. «Зина» — дамочка, держащая ладошки близко на руле и смотрящая на дорогу в одну точку, чуть приподняв подбородок. «Мустафа» — горячий джигит, несущийся на обмотанной скотчем тачке и тормозящий пяткой об асфальт. «Петя» — водитель, развозящий мелкие грузы по магазинчикам и бросающий фургон где попало, чуть ли не в арках. «Коля» — новичок-первогодок, поверивший в свои силы и в свою невероятную крутизну. Очень опасный тип, втрое опаснее Мустафы. Ну а «Соня»... с Соней все понятно... Ей бы проснуться — и пусть продолжается жизнь!

Наконец в сплошном потоке машин появилась лазейка, и Эссиорх сумел прорваться. Больше его ничего не держало. Хроническая автомобильная пробка центра была мотоциклу не страшна. Эссиорх умело лавировал, пробиваясь к клинике на Чистых прудах. Откуда-то прилетел желтый лист и залепил хранителю мотоциклетные очки. Эссиорх ловко убрал его левой рукой и зубами закусил черенок так, чтобы лист трепало ветром.

Со стороны казалось, что Эссиорх совсем не нервничает, и он сам тоже так считал, но все же, пока он добрался до места, черенок оказался изже-

ванным, а он заметил это, лишь ощутив его горьковатый вкус.

Эссиорх оставил мотоцикл у полосатого шлагбаума, приковав его цепью к высохшему дереву, выкрашенному в зеленый цвет. За шлагбаумом начинался длинный, обсаженный тополями двор. Двор имел форму буквы «Г». Вдоль длинной палочки «Г» тянулось старое пятиэтажное строение.

Слово «РОДДОМ» было написано не на нем, а на кирпичной будке охранника, но все равно почему-то все шли не к охраннику, а в пятиэтажку. Должно быть, рожениц вел мудрый инстинкт. Эссиорха инстинкт никуда не вел, но он тоже почему-то направился в пятиэтажку.

В приемном отделении Эссиорха уже ждали. К нему метнулась молодая докторша с обкусанными лиловыми ногтями. Чтобы казаться солиднее, докторша носила узкие очки в тяжелой черепаховой оправе. Мотоциклетный вид Эссиорха ее несколько смутил, но она защитилась тем, что скрестила руки на груди:

— Ваша жена в предродовой. Вы привезли документы?

— Бумаги! А, ну да, конечно! — Эссиорх опустил на стол тяжелую папку.

Докторша моргнула. Ей казалось, что он вошел в отделение с пустыми руками.

— Да-да, спасибо, тут и анализы, и все... Простите за нескромный вопрос... ваша жена... вы давно ее знаете?

Дмитрий Емец

Эссиорх вежливо посмотрел на докторшу. Та смутилась и так ткнула пальцем в свои черепаховые очки, что даже голова немного покачнулась.

— Ваша жена... какая-то немного... Она всегда ест тарелки?

— Что она ест?

— Это было при мне. Печенье лежало на тарелке. Ваша жена взяла тарелку и...

— Улита переживала. Печенье круглое, тарелка тоже круглая. Я куплю вам новую! — пообещал Эссиорх.

Докторша мило улыбнулась, но на всякий случай встала так, чтобы между ней и Эссиорхом оказался стол.

— Понятно. И еще вопрос... Почему она приехала в роддом так поздно?

— Улита собиралась. Грузовик с вещами застрял в пробке.

— Еще немного — и ребенок родился бы в дороге!.. Мы пытались сделать ей укол — у нас вскипело лекарство в ампуле! А ее кожа! Об нее ломаются иглы шприцов!

— Мышцы напряжены... — предположил Эссиорх.

— Где мышцы? В коже?.. Поверьте, я могу отличить! Но главное: у вас какие-то непонятности с личными данными. Биологически это молодая женщина, а компьютер выдает, что ваша жена... — докторша испуганно посмотрела на Эссиорха и замолчала.

— Да-да, продолжайте! — сказал он ободряюще.

— ...умерла сорок лет назад...

Эссиорх с облегчением улыбнулся:

— А, вы об этом! А я уж испугался: думал, что-то серьезное! Да не умерла она! Просто на Лысой Горе на нее наложили лунатическое заклятие. Она — в Москве уже — стала бродить ночами и свалилась с двенадцатого этажа на асфальт! Сломала палец на ноге, ей было очень больно, она потеряла сознание, ее посчитали за мертвую и похоронили. А ночью Улита очнулась и вылезла из... Что с вами?

— Ничего... Не могли бы вы подождать снаружи? Я... мне надо идти!

— Я же не закончил!

— Потом... потом...

Докторша тихо попятилась и, защищаясь схваченной со стола папкой, скрылась где-то в недрах отделения. Хранитель улыбнулся. Он давно разобрался, что лучший способ, чтобы тебе не поверили, — говорить правду, и одну только правду.

Эссиорх вышел на улицу. Он так волновался за Улиту, что не мог сидеть и ходил под топодем. Рядом на скамейке помещался небольшой гладковыбритый мужичок, то и дело таинственно подносящий к губам обмотанную скотчем ручку зонтика.

— Не мельтеши, новичок! Голова от тебя болит. Хочешь? — предложил он Эссиорху, протягивая ему зонтик. Хранитель увидел, что к ручке зонтика скотчем примотана бутылка.

Дмитрий Емец

— Если будешь братъ, не оборачивайся и не смотри на шлагбаум. Он за нами наблюдает. Умный, блин! Тут все умные! Один ты новичок! — зашептал мужичок.

Эссиорх ощутил себя персонажем Франца Кафки:

— Кто за нами наблюдает? Шлагбаум?

Мужик с зонтиком хихикнул:

— Нет, ну разве я был не прав, когда сказал, что ты новичок? Охранник... Кстати, мы сидим именно под тем самым окном! Второй этаж! Они появляются на свет здесь! Я все досконально изучил.

— Кто появляется?

— Дети. У меня три дочери, и сегодня рождается четвертая. С точки зрения любого китайца, я абсолютно бездетный человек. Выйдут замуж и станут всякими Булкиными, Жулькиными... Представить противно!

— Так, может, не выйдут еще? — попытался утешить его Эссиорх.

— А не выйдут — еще хуже, только нервы изматывают, — мужичок снова поднес к губам ручку зонтика. — У тебя у самого-то кто? Дочь?

— Нет, — сказал Эссиорх виновато. — Не совсем.

За это «не совсем» мужичок с зонтиком посмотрел на него как матрос на недобитого буржуя.

— Ну вот! — сказал он сквозь зубы. — Некоторым сразу везет! А то сидишь тут, сидишь!

Отец четырех дочерей нахохлился, поднял воротник пиджачка и больше зонтик не предлагал.

Эссиорх отошел от него шагов на пять и, встав у тополя, стал смотреть на большое покрашенное окно с большим кондиционером справа. Кондиционер тихо гудел, из трубки под ним капала вода.

Прошел час, еще полчаса. Никаких звуков с той стороны окна не доносилось, но несколько раз в том месте стекла, где краска была содрана, образуя небольшой, с ладонь, участок, мелькали обеспокоенные лица. Кто-то выглядывал наружу, потом опять исчезал. Внутри явно происходило что-то волнительное. Эссиорху даже показалось, что там мелькнули и знакомые ему черепаховые очки.

Хранителю Сфер становилось все беспокойнее. Он то начинал ходить, то останавливался и ключом от мотоцикла ковырял кору на тополе. Эссиорх не был первым, додумавшимся до этого. На коре, если приглядеться, можно было разглядеть множество дат и имен.

Родитель четырех невест приложился к зонтику еще раз, и его потянуло на разговоры.

— Вот я люблю своих детей. А любит ли меня кто-нибудь из них? Вот в чем вопрос! — громко спросил он, обращаясь к пространству.

Пространство не отозвалось, и отвечать пришлось Эссиорху:

— А что, никто из детей вас не любит?

— Я не говорю, что не любит. Я спрашиваю: а любят ли? Вот в чем вопрос!

Дмитрий Емец

Эссиорх почесал щеку, пытаясь осмыслить разницу.

— Вы кто по профессии? — спросил он.

— А-а, никто! Наполняю, впрочем, стул... — без интереса протянул многодетный, изобразив на лице некую подневольную деятельность.

— А по образованию?

— Философ, — с легкой застенчивостью сказал многодетный.

— Хм... И что такое любовь с философской точки зрения? — спросил Эссиорх.

— О! — охотно отозвался отец четырех дочерей. — С философской точки зрения любовь — это высокая степень эмоционально положительного отношения, помещающего объект в центр жизненных потребностей субъекта и пробуждающая у субъекта ответное чувство того же градуса напряженности и позитивного отклика...

— Красиво!

— Да, красиво. А вот у филологов, к примеру, у тех все сложно. Они никогда до конца не знают, что такое любовь. Все ищут ее, копаются в себе, сомневаются... Пушкина обязательно приплетут... Помню чудное мгновение — не помню? Небо у нее в глазах или море?.. Вот юриста хоть ночью разбуди — он тебе оттарабанит, что юридического определения любви не существует. Есть понятие семьи в социологическом и юридическом смысле. Понятный человек!

— А биологи? — спросил Эссиорх, невольно подумав о Мефе.

— Ну, на биологов зоология давит, но все равно они ближе к филологам. Однозначно ближе! — сказал философ и стал угрюмо ковырять ногтем краску на скамейке. Он опять перестал прощать Эссиорху, что тому повезло с первого раза.

В роддоме наметилась какая-то суета. Хлопнуло окно, трубка кондиционера всплакнула грустной одинокой каплей. В полуподвале открылась служебная дверь, ведущая к лифту. Двое рабочих в черных халатах провезли на железной каталке баллон с кислородом. Ускоряя их созидательный труд, за рабочими крупными шагами шла сердитая медсестра.

Эссиорх и многодетный отец обменялись тревожными взглядами.

— А там у них чего-то того... Началось! Интересно только: у меня или у вас? Вот в чем вопрос! — многодетный уже испил свой зонтик до дна и теперь печально поглаживал его.

Форточка покрашенного окна с треском осыпалась. Раздался раздирающий душу вопль. Из родильного отделения вылетели большие ножницы и глубоко, по самые кольца, вонзились в тополь. Извлечь их человеческими силами было уже никак невозможно.

— Наверное, все-таки у вас! — сказал отец дочерей. В голосе у него впервые появилось сочувствие.